

Я М А

Я родился в городе Минске через несколько лет после войны. И все маршруты моего детства связаны с минскими послевоенными улицами. Замковая, Коллекторная, Шалерская, Заславская, Невья...

Мальчишкой я избегал вдоль и поперек эти тихие улочки с ямами, ухабами и стесанными до блеска камешками мостовой...

И только позже, и не в школе, а от своих родителей я узнал, что бегаю не только по улицам освобожденного Минска. Я бегаю по улицам еврейского гетто времен Отечественной войны.

И именно от своей мамы я узнал, что здесь, в этих серых домах-бараках, в этих мрачных кварталах, за колючей проволокой, под злобный лай немецких овчарок и гортанные крики охранных, именно здесь больше двух лет жили (если это можно, вообще назвать жизнью), десятки тысяч моих сограждан, моих земляков, моих соплеменников - минских евреев. И именно здесь, в чужих холодных домах, под дулами автоматов "жили" и мои дедушка с бабушкой, и мамина сестра со своими двумя крохами - детьми. Здесь "жили" мои несостоявшиеся братья и сестры, друзья и соседи, подруги и невесты, сотрудники, приятели, институтские и школьные товарищи...

Отсюда осенью 43-го уходили они бесконечной, жуткой вереницей в свой последний путь, так и не сказав мне свое доброе слово, свое отсутствие, свое последнее: "Прощай!"...

И уже позже до моего детского сознания вдруг дошло, что огромная яма недалеко от моего дома - это не воронка от взрыва бомбы и не строительный котлован, а огромная братская могила, где были убиты и похоронены и мамини родные, и чьи-то близкие, и чьи-то не очень близкие люди, а просто люди, которые жили где-то здесь, рядом, и здесь же были убиты и похоронены.

И я стал приходить "на Яму" к скромному камню с

краткой скупой надписью на двух языках. Я уже читал по-русски, но мне хотелось понять тот второй, неизвестный язык. Значки его были странного, незнакомого мне алфавита, и я только догадывался, что это еврейский язык - язык моих предков. Потом я стал старше. Вместе с родителями, с друзьями стал приходить "на Яму" 9-го Мая, где почему-то, вместо подobaющей атмосферы памяти и скорби, царил какой-то нервный дух лжи, умолчаний, недосказанности и запретов. Вокруг "Ямы" было полно милиции в праздничной, парадной форме. Среди сотен еврейских лиц мелькали как-то хмурые силуэты в одинаковых серых костюмах. Представители райкомов в спешке возлагали цветы от парторганизаций района. В речах официальных

лиц обязательно подчеркивалось, что здесь похоронены люди разных национальностей, а не только евреи. Казалось порой, что это вовсе не братская могила безвинных и беззащитных жертв, а захоронение солдат регулярной армии, погибших в ранном бою...

Заканчивались официальные речи. Быстро возлагали венки от еврейской общности и синяги, чьи представителям едва позволили сказать пару слов, и тут же начинали звучать браваурные марши и бодрые песни задорных "застойных времен"...

Через час-полтора "Яма" пустела, на мостовой лежали опавшие с венков цветы, и по ним прогунулись одинокие стражи порядка с дубинками...

Я возвращался домой. "Яма" стояла у меня перед глазами. Я шел по улицам родного города, и уже по-другому смотрел на сохранившиеся с тех времен дома, заборы и старые мосты. И представлял себе лица, глаза, образы людей, молча и обреченно бредущих по этим улицам, все ближе и ближе к зловещему концу своего земного бытия, к началу отсчета светлой и вечной им человеческой памяти...

А мое время шло, расширялась география моих улиц,

городов и стран. Все больше времени я стал проводить в самолетах. Незаметно выросл. Женился, стал отцом, и уже вместе с дочерью стал приходить "на Яму". Евреев у камня с каждым годом становилось все меньше и меньше, а милиции и "серых костюмов" все больше...

В моей жизни появился "Тяжелый песок" Рыбакова, "Бабий Яр" Кузнецова и Евтушенко, фильм "Комиссар" Аскольдова, десятки других подобных книг и кинофильмов. Я переехал жить в Америку, где живу сегодня, вроде, вполне благополучно, но "Яма" остается болью в моей душе, в моем сердце. И от моей мамы, через меня эта боль переходит к сердцу моей дочери...

Недавно я снова побывал в Минске. Над городом, над страной и людьми прошумели бури перестроек, распадков, развалов и новых объединений. И все-таки наступило время, когда к "Яме" пришли не с бравурными маршами и казенными речами, а с тихим вздохом и прозрачной слезой.

Я подхожу к знакомому месту и застываю у самого края. Передо мной открывается панорама величайшей людской Боли и Памяти. Тяжелый комок подступает к горлу... Рядом со мной, вниз по ступенькам, туда, в яму, в бездну, несильно ступая по земле босыми ногами, бредет молчаливая вереница людей. Они идут в сторону старого, обветренного камня в центре "Ямы", со знакомыми мне с детства полустертymi надписями на двух языках. И им никогда уже не прочитать, что там о них написано, и не увидеть с краю, на горе, у свежесаженных молодых березок гранитную менорту красного камня, как бы отделяющую яркий свет сегодняшнего дня от черного мрака гетто 43-го...

Я стою у этой менорты, смотрю на череду людей-статуй, спускающихся в жуткую безнадежность своих последних мгновений, и чувствую, как теплая волна очищения и света запоминает все мое существо... Тяжелая безысходность и боль постепенно переходят во мне в робкую, но светлую надежду, надежду на Будущее этой родной для меня, древней и многострадальной земли...

Они идут мимо нас, не останавливаясь и не оборачиваясь, а глядя вперед, в наш завтрашний день, вызывая к нашей затухающей памяти, к затихающей боли и предупреждая нас о том, чтобы больше никто и никогда не оказалась на дне этой или других, подобных ей страшных и бесчеловечных ям...

Я возвращаюсь в Америку. Я сижу в самолете, который делает прощальный круг над Минском и набирает высоту. Я уже не вижу домов, машин, людей, не различаю знакомых и родных улиц.

Но в моей душе черной дырой зияет мрачный ледяной зев бездонной, безжалостной ямы минского гетто. Я снова вижу перед собой панораму памятника и череду идущих людей. И мне уже кажется, что они идут не туда, вниз, к смерти, а вместе с самолетом поднимаются над землей и, постепенно отрываясь, уходит куда-то ввысь, в бессмертие, в бесконечность...

Я смотрю в иллюминатор, и сквозь туман осеннего неба и моих нечаянных слез мне кажется, что там, в окне, высоко над облаками я вижу лица моих родных - дедушки и бабушки, братьев и сестер, всех тех моих близких, кого, увы, я никогда в жизни так и не увидел...